

4.08.2004

Татьяна

Пельтцер

69

Культура

«Маленькие» трагедии большой актрисы

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Бывают в жизни юбилей, повергающие в недоумение. Скажем, Татьяна Пельтцер абсолютно «не монтируется» со своей вековой датой. Понятно, что она родилась в один день с Пушкиным. Но совершенно не понятно — что ровесница «Вишневого сада». Трудно воспринимать ее как достойные истории, как многоуважаемый шкаф. Зритель в сущности никогда не видел Пельтцер молодой: она начала сниматься, когда ей было уже под сорок, известной стала под пятьдесят; вообще подтянутая, спортивная, сухая, она, похоже, легко и естественно состарилась. В Театре имени Ленинского комсомола, где Татьяна Ивановна провела последние 15 лет своей жизни, у нее было прозвище «баушка».

В принципе хороший журналистский тон — никогда не писать «воспоминания» о тех, с кем не был знаком лично. Иначе получится пересказ биографии или, того хуже, бородастых анекдотов своими словами. В этом смысле мне не повезло — я никогда не встречала Татьяну Ивановну, что называется, «живьем». Разве только на сцене. Как всякая студентка ГИТИСа, году в 90-м или 91-м правдами и неправдами (последними преимущественно) прорывалась в «Ленком» на «Поминальную молитву». Александр Абдулов выводил Татьяну Ивановну под локоток. Она растерянно смотрела в зал. «Сориентируйтесь, мама, сориентируйтесь», — Абдулов щелкал пальцами у нее перед носом. Свят Менахем Мендл привез погостить в деревню Анатовку свою мать, старую БERTУ. А евреев из Анатовки выселяют. Семейство Тевье-молочника уже сидит на узлах. Собирались как раз к Берте, вроде бы пришла от нее телеграмма: «Приезжайте пожить», но они-то с Менахемом, оказывается, отбивали: «Приезжаем пожить». Еврейский смех сквозь слезы, еврейское счастье сквозь отчаяние. Еврейку БERTУ играла немка Пельтцер. Еврей Тевье — великий русский актер Евгений Павлович Леонов. Они становились на колени лицом друг к другу и тихо, безнадежно плакали. Пельтцер не помнила текст, смутно создала, где находится, но плакала она «в точку». Потому что актерский талант — это не психика и не физика, не сознание или даже подсознание, это просто природа.

Горели свечи, звучал кадиш. Леонов бережно помогал Пельтцер опуститься и поддерживал свою хрупкую партнершу, когда она поднималась. Для нее эти свечи точно были поминальными — летом 92-го Пельтцер умерла. Да и Леонов пережил ее только на полтора года. Знаменитая «Молитва...» стала спектаклем вдов, то есть фактически перестала существовать.

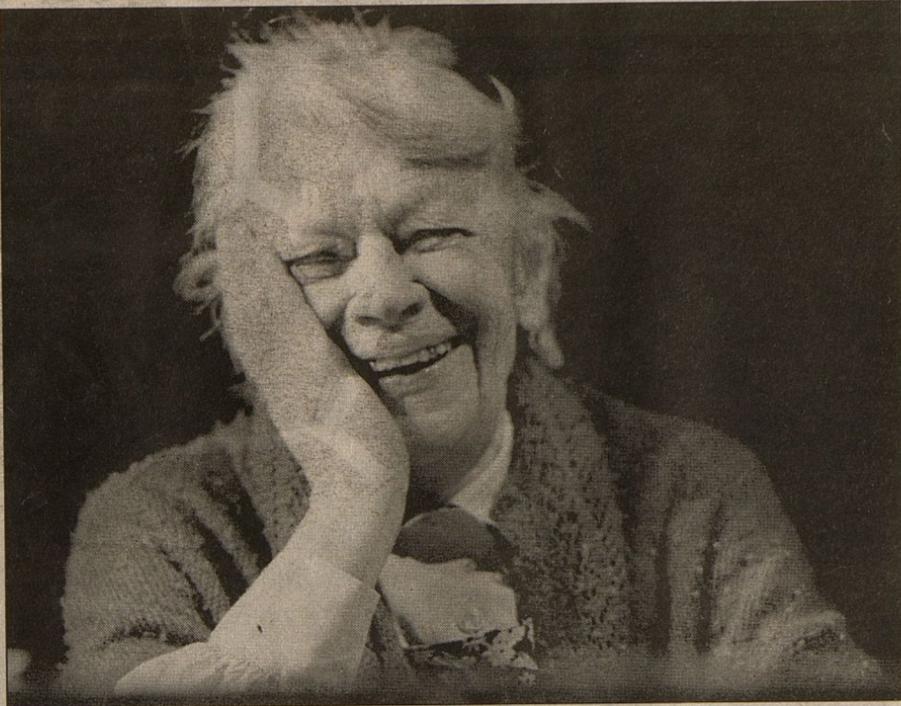
Вполне естественно, что из тех, кто знал и любил Татьяну Ивановну Пельтцер и кого любила она, иных уж нет, а те далеки. Некоторые, например, Андрей Миронов, обожаемый ею буквально с пеленок, трагически ее опередили...

Скажу честно, мне крайне хотелось узнать о Пельтцер что-нибудь новенькое из первых рук. Но, увы: Александр Абдулов, которого мне удалось наконец заставить бодрствующим, лениво разродился парой фраз — про то, что Пельтцер была счастлива в «Ленкоме», выезжала болеть за местную футбольную команду, много улыбалась и любила молодежь. Выйдя из театра с этой поистине бесценной информацией, я вспомнила реплику из «Юоны и Авось»: «Авантюра не удалась, за попытку спасибо», решила больше не рисковать (не хотелось бы запомнить Пельтцер такой — сучной до зевоты) и поняла, что придется обойтись без друзей Татьяны Ивановны. Тем более что этим самым «друзьям» не пришло в голову издать к ее юбилею хотя бы сборник воспоминаний.

Практически про каждого актера — действующего или ушедшего — у нас написана книга. Зачастую не одна. Стенды с вывесками «Театр» и «Кино» в книжных супермаркетах ломаются под увесистым многообразием товара. А вот о Татьяне Пельтцер книжки нет. Почему? Думаю, по банальной причине: она была одинока. Не оставила близких родственников и прямых потомков отставив собственные захоронные интересы.

Театральный мир таков, каков он есть, и предъявлять к нему претензии бессмысленно, чтобы не сказать глупо. Чем ближе подходишь, тем больше разочаровываешься. Говорят, Татьяна Ивановна тоже была не подарок. Злоупотребляла крепким словом, в обществе трезвости не состояла, гримеров-костюмеров брала в хвост и в гриву, зачастую основательно; скандал с режиссером был для нее чем-то вроде разминки, и любила либо не любила она людей так, как способна только темпераментная женщина, — со всем пылом души своей. Поэтому считалась вздорной, раздражительной, склочной.

Как Пельтцер в 1977-м ушла из Театра сатиры (прямо с репетиции «Горя от ума») и по какому адресу она публично отправляла Валентина Плучека, можно не рассказывать. Но ведь и с Марком Захаровым, у которого она затем обрела приют, отношения поначалу строились на чистых конфликтах. Когда молодой Захаров знакомил «сатиrowsкую» труппу со своей экспликацией «Доходного места», Пельтцер, назначенная на роль Кукушкиной, ехидно заметила: «Как только человек ничего не умеет, так сразу лезет в режиссуру». А когда не по годам строгий режиссер наказал ее за систематические опоздания, она, говоря, в сердцах написала в партком заявление, будто бы Захаров ставит антисоветский спектакль. Впрочем, написала или нет, сегодня установить трудно. Пельтцер ведь, собст-

ИТАР-ТАСС

6 июня исполнится 100 лет со дня рождения Татьяны Ивановны Пельтцер

венно, и была парторгом Театра сатиры...

В «Сатире» Татьяна Пельтцер играла много и блистательно, в «Ленкоме» — значительно меньше (включая образы Клары Цеткин и Надежды Крупской). Но, наверное, у Захарова, в атмосфере, экологически более чистой, она действительно была счастлива.

Татьяна Ивановна Пельтцер родилась в Москве. Ее единственным учителем по актерскому мастерству был отец, Иван Романович, сначала игравший в Театре Корша, а потом на многих провинциальных сценах. Иван Пельтцер снимался в кино и до революции пытался выступать в качестве кинорежиссера. В 1925 году получил звание заслуженного артиста республики. Вновь осев в Москве, работал в разных труппах; закончил карьеру, кажется, в Театре киноактера. Доживал мощный старик, выставленный из дома молодой женой, свой век вместе с дочерью, в кооперативном доме возле метро «Аэропорт».

На сцену Татьяна Пельтцер впервые вышла в возрасте девяти лет. В одиннадцать она играла Сережу Каренина. В 1920-м стала актрисой Передвижного театра Политуправления. А потом, вероятно, по зову крови вышла замуж за немецкого марксиста Ганса Тейблера, сменила фамилию, переехала в Берлин, устроилась машинисткой в советское торговое представительство и вступила в компартию Германии. Актерским прошлым Татьяна Тейблер заинтересовался знаменитый немецкий режиссер Эрвин Пискатор, но решающей роли в ее жизни это не сыграло. Тейблер вернулась в Москву и опять стала Пельтцер. Среди театралов-идеалистов бытует легенда, будто бы Татьяна Ивановна предчувствовала приход к власти Адольфа Гитлера. Реалисты придерживаются версии частного

порядка: муж нашел у нее в кармане любовную записку...

Затем были театры Нахичевани, Ейска, Ярославля; Театр МГСПС (ныне имени Моссовета), откуда ее уволили за профнепригодность; и — опять машинистка, теперь уже на заводе АМО (будущем — имени Лихачева), где главным конструктором работал ее родной брат. В 36-м брат, опасаясь репрессий, уехал. А сестра наконец оказалась в Театре миниатюр — рядом с Риной Зеленой и Марией Мироновой. В 1947 году Татьяна Пельтцер приходит в Театр сатиры. Получает роль Лукерьи Похлебкиной в спектакле «Свадьба с приданым». Спектакль снимают на пленку. Не прошло и полвека, а Пельтцер уже знаменита... На своем 70-летнем юбилее она скажет: «Я счастливая старуха!» За два года до этого ей присвоили звание «Народная артистка СССР». Первая «народная» за всю историю Театра сатиры.

Пельтцер снялась картинах в шестидесяти, не меньше. Преимущественно в очень небольших ролях. Но, как и в случае с ее подругой Фаиной Георгиевной Раневской, фильм забудется, а актриса останется.

У Татьяны Пельтцер не было ни детей, ни, само собой, внуков, но для миллионов своих зрителей она была сначала матерью (Ивана Бровкина или укротительницы тигров), а потом бабушкой. Уютной, лучистой, доброй, домашней и при этом полусказочной бабушкой. Все помнят, как, попробовав волшебные конфеты, она отплевывала на крыше в «Приключениях желтого чемоданчика». Все помнят, как, подавая Анискину милицейский китель, она говорила: «Ты, дед, ребятишек-то пожалей...» Как наставляла Иванушку-дурачка — Олега Даля, суежилась вокруг непутевого внука в «Формуле любви»...

У Татьяны Пельтцер был огромный диапазон. Слава богу, зафиксиро-

рованы на пленке «сатиrowsкие» спектакли — лучшее тому подтверждение. Она могла сыграть все — от кондовой колхозницы до кокетливой, стреляющей глазками из-под веера Марселины. Вот, по-моему, один сезон, во всяком случае, один год — 1974-й. Сразу два блистательных выхода — Марья Ивановна Иванова в «Маленьких комедиях большого дома» и Антония Карлашевская в спектакле «Проснись и пой!». Марья Ивановна — марширующая бабуля с гребенкой в волосах: «Обожаю я пережзжать!» Прimitивная агитка, призванная смягчить для коренных москвичей перемещение в бывшие деревни: «Чертаново, Черкизово — пока переезжаю, я живу!». Фантастическая история про фрезеровщика, которому государство выделило четырехкомнатную квартиру, и его маму, с готовностью принявшую в дом чужую беременную девицу: «Ты комсомолка? Так будь добра, государству рождаемость не снижай!». Ах, если бы в каком-нибудь московском театре поставили сегодня вот такую ликующе радостную «глупость», после которой остро хочется жить... Вот интересно: нашлась бы сегодня вот такая актриса, под чьим обаянием глупость снова превратилась бы в прелесть?..

Антония Карлашевская, тетя Тони, будапештская фам фаталь. Дама с благородной укладкой, в узком шелковом платье. Каблуки, шляпа, перчатки до локтя. Кажется, впервые на советскую сцену вышла женщина (из соцлагеря, заметьте), которая открыто сообщила, что у нее было пять любовников (но ни одного мужа), и от всех пятерых она теперь получает регулярное денежное вспомоществование. Так сказать, пенсию по любви... Пельтцер было уже семьдесят, но она лихо танцевала под музыку Гладкова, высоко выбрасывая жилистые, спортивные ноги; она играла настоящую женщину, которая философски относится и к мужчинам, и к мировой истории, женщину, которая начинает свой день в бассейне, а заканчивает за столиком варьете, тот свободный, раскрепощенный тип, к которому мы только сейчас приучаемся по западным сериалам, не в силах преодолеть детские болезни своего «бальзаковского возраста»...

Вряд ли требовалось знать Пельтцер лично, чтобы понять, что она была изумительно жизнерадостным человеком. Это светится в каждом ее слове, в каждом жесте, в каждой запечатленной улыбке — всегда теплой и отчасти лихой, вроде раз — два, горе — не беда... Осталась только большая актриса, и уже не видны миру ее «маленькие» личные трагедии: позднее и трудное признание, женская неустойчивость, беды родственников, тяжелая болезнь, потеря памяти, психбольница... Сегодня Татьяна Пельтцер — это имя, вызывающее волну нежности в сердце и улыбку на губах. Она была классная, даже клевая — именно эти словечки ей очень идут. А может ли клевой тетке стукнуть сто лет, решайте сами.

В ДВУХ СЛОВАХ

Храм Маккартни на костях

Российские поклонники приготовили оригинальный подарок для прибывающего в июне в Петербург Пола Маккартни. Это подлинный экземпляр легендарной пластинки «на костях», записанный в 60—70-е годы. Один экземпляр такой пластинки, то есть записи на рентгеновском снимке, хранился в коллекции известного киевского поклонника творчества сэра Пола. Теперь уникальная запись будет

передана легендарному исполнителю в честь его дня рождения. Подарок будет повторять оформление «золотого диска», который вручают западным исполнителям за превышение миллионного барьера продаж.

Брэдбери разбушевался

Американский писатель Рей Брэдбери очень резко отозвался о документальном фильме Майкла Мура «Фаренгейт 9/11». По его словам,

режиссер воспользовался названием его романа «451 градус по Фаренгейту» без соответствующего разрешения. «Я думаю, что Майкл Мур — просто тупой мешок с дерьмом. Он украл у меня название и поменял в нем цифры, не спросив у меня на то разрешения», — заявил Брэдбери. Роман «451 градус по Фаренгейту», который вышел в 1953 году и был экранизирован Франсуа Трюффо в 1966-м, повествует об обществе будущего, где были запрещены книги. В качестве его названия Брэдбери использовал обозначение

температуры, при которой воспламеняется и горит бумага. Мур поменял цифру в названии романа на дату трагедии в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Брэдбери отметил, что его отношение к режиссеру фильма ни коим образом не связано с политическими убеждениями. Писатель потребовал у Мура разъяснений, однако тот ему так и не ответил. «Я мог бы сесть и написать книгу под названием «Унесенные ветром», но не делаю этого, так как, по-моему, это просто неприлично», — сказал Брэдбери.